

Между мирами

Тору Мотидзуки

*«Осень уже пришла!» —
Шепнул мне на ухо ветер,
Подкравшись к постели моей.*

Последнее время Тору чувствовал себя странно. С одной стороны, его жизнь можно было назвать размеренной и стабильной, чего он, собственно, всегда и хотел, а с другой... За последние месяцы он начал острее ощущать какую-то пустоту, которая обычно пряталась где-то в самых глубинах подсознания и никак ему не мешала, но, временами, словно просыпалась и напоминала о своем существовании тупой болью в груди. Может быть, всему виной была уже перевалившая за свою середину осень, отражающаяся в «посмурневших» деревьях, хмуром небе или достаточно холодном воздухе. А может и в чем-то другом... Пока Тору не был готов разбираться в своем состоянии, потому что все его предыдущие попытки делали только хуже.

Сегодня японец решил немного поработать с тессеном, но идти на тренировочную площадку, увеличивая риск с кем-то столкнуться, ему совсем не хотелось. Посчитав, что идеальным местом для воплощения его планов в жизнь может стать дикий парк, Тору направился по знакомому маршруту, не думая о каком-то конкретном месте. Хотя, когда ноги вынесли его к огромному дубу, навевающему болезненные воспоминания, он немного пожалел о своем опрометчивом решении довериться воле случая и идти, куда идет.

Когда-то ему уже доводилось демонстрировать здесь приемы работы с боевым веером, но тогда он был не один. Юная ученица, составляющая ему некогда компанию, вернулась к себе домой. Он сам провожал ее до аэропорта и, после всего произошедшего в тот день, дал себе слово гнать из головы любые, связанные с ней мысли. И вот сейчас он это слово, силою обстоятельств и благодаря бунту собственного подсознания, окончательно нарушил.

Интересно, где она сейчас? Как у нее дела? Помнит ли она их встречу у этого дуба? Пока вопросы проносились в мозгу один за другим, рука непроизвольно вытащила из специального мешочка тессен, вытянулась вперед и позволила кисти быстрым и отточенным движением раскрыть боевой веер, ставший одним из постоянных спутников его скитаний.

Яреци Фернандез

Москва, Россия

Начался ноябрь, и с каждым днём всё чаще молодая студентка первого курса художественного института ловила себя на мысли, что делает что-то неправильно. Однажды она поддалась соблазну, и каждый день винила себя в этом. Ей не стоило этого делать, она должна была сопротивляться. Но его глаза...

Она мотнула головой и на секунду остановилась. Посмотрела на сизые облака, которые уже несколько дней плотно и низко нависают над Москвой, создавая депрессивное настроение. Сегодня была хорошая погода, она всегда любила дождь и холод. Ей нравился мелкий монотонный дождик, который лил себе и лил, не прекращаясь и не усиливаясь. Нравилось гулять по улицам Москвы и смотреть на старинные дома, нравилось, что в такие дни жители сидят дома или где-то в другом месте. К тому же сегодня она была совсем одна - её друзья снова завалились в клуб, а она направилась гулять. Сначала бродила по улицам, а потом направилась в Нескучный сад.

В её сумке, перекинутой через плечо, лежала одна единственная вещь. Тессен, который она несколько дней назад случайно купила в магазине японских ножей и оружия. Не настоящий, конечно, обычный сувенирный. Тот, который можно положить на полочку и любоваться им. Он сильно отличался от своего боевого аналога.

Она нашла тихое и спокойное место, чтобы ей никто не помешал, повесила сумку на сук дерева и вытащила тессен. Воспоминания, такие яркие и не очень приятные, нахлынули на неё, и она зажмурилась. Она не знала, хочет ли она вспоминать об этом человеке, обо всём, что было с ним связано. Тогда была другая жизнь, она была всего лишь мелкой девчонкой, наивной дурочкой, которая себе вбила в голову невесть что. Сейчас она считала себя взрослым самостоятельным человеком, студенткой престижного института. Только вот она оставалась всё той же наивной дурочкой. Но она вернёт этому человеку деньги за билеты. Обязательно вернёт...

Интересно, как он? Что он делает? Как он живёт? Вспоминает ли о ней? Нет, вряд ли он о ней помнит... Хорошо это или плохо?

Она мотнула головой и решила попробовать сделать какие-то элементы с этим веером. Зачем она его купила? А вдруг у неё что-то не получится? Хотя... он ведь не узнает о том, что у неё не получается. Она раскрыла веер и посмотрела на него. Он, конечно, был сувенирным, не заточенным, но и такой веер её вполне устраивал. Она ведь художник, а не воин. Ей не нужно оружие. Это просто минутная слабость... Она решила поделаться несколько элементов. Выставила вперёд правую ногу, сделала упор на неё. Покрутила запястьем, привыкая к тессену, а потом сделала резкое движение рукой вверх.

Тору Мотидзуки

*Совсем исхудал,
И волосы отросли.
Долгие дожди.*

Осенний ветер зашелестел листьями на деревьях и растрепал его непослушные волосы. Тору уже и не помнил, с какого возраста он перестал их коротко стричь, чем вызвал недовольство родителей и регулярные насмешки братьев. Только через многие годы он понял, что, наверно, именно эта реакция родных и послужила причиной его длительной нелюбви к парикмахерским ножницам. Сейчас с высоты

его возраста, все это казалось Тору каким-то ребячеством, но он уже настолько привык к достающим до плеч волосам, что не был готов с ними расстаться. Видимо прическа, как и другие маленькие островки постоянства и позволяли ему, несмотря на проходящую в постоянном поиске жизнь, сохранять хоть какое-то чувство стабильности.

Тору чуть опустил раскрытый тессен вниз, выравнивая запястье, а затем с движением кисти вверх закрыл боевой веер и на несколько секунд оставил его в этом вертикальном положении. Тессендзюцу несколько отличалось от красивых форм, практикуемых китайскими мастерами, своей видимой простотой и, как казалось японцу, большей понятностью движений. Хотя, он признавал, что все его рассуждения базируются на близости к конкретной традиции работы с оружием, и что для того же европейца между китайским и японским веером особой разницы не имелось.

Тору вернулся в исходное положение, опустил держащую руку веер и прикрыл глаза. Перед его мысленным взором тут же возникло знакомое лицо, вызывающее целый «букет» чувств: от первоначального раздражения и злости на самого себя до какой-то неясной тоски в итоге. Желая хоть как-то спрятаться от очередного наваждения, Мотидзуки открыл глаза и, с шагом вперед правой ноги, нанес резкий прямой тычок тессеном в область живота воображаемого противника. Когда-то, как наставник ученице, он показывал это движение Ярецы и сейчас надеялся, таким образом, вернуться к тому моменту, когда их странная история еще только начиналась, и он не успел пасть жертвой игр своего загадочного разума.

Яреци Фернандез

... После этого девушка опустила руку с раскрытым веером вниз и сделала шаг левой ногой. Выбросила руку, делая как будто укол в живот противнику. Дождевые капли, попавшие на её лицо, на мгновение заставили её остановиться и опустить руку с сувенирным аналогом боевого веера.

Монотонный дождь хоть и не причинял видимых неудобств, но все-таки был дождем, так что даже Яреци, привыкшая к такой погоде, начала подумывать, как бы пойти в какое-нибудь теплое место, чтобы погреться и обсохнуть. В такую погоду с этим противным дождём можно легко заболеть. Девушка тряхнула головой, скрутила длинные волосы, перекинула их через плечо и посмотрела на небо. Подул сильный ветер, яростно срывающий с деревьев последние засохшие листья, и девушка проследила за одним таким листочком. Когда он опустился на мокрую землю, она мотнула головой и вернула свой взгляд к зажатому в руке тессену. Поднявшийся ветер стал разгонять облака, но нет, тучи сгущались словно стервятники над своей жертвой. Заметно стемнело, но девушка решительно вздохнула, подняла голову, выпрямилась и снова стала делать какие-то движения.

Шаг правой ногой, разворот на месте, в развороте рука с веером поднимается, и оружие наносит полосной удар по горлу воображаемого противника. От этого движения волосы полезли в глаза, нога подвернулась, да ещё и поскользнулась на талых листьях. Девушка взмахнула рукой, выронил тессен и упала на спину, больно ударившись локтём. Что поделать - она иногда была неуклюжей, но раньше такие падения были настолько редки, что она и не обращала на них внимания. А вот

сейчас стало как-то обидно.

Вставая на ноги, она подумала, как же всё-таки хорошо, что всего этого позора никто не видит, особенно мистер Мотидзуки. Что бы он ей сказал? Что бы он стал делать, если бы так получилось на его глазах? Снова бы обнял, как тогда, когда поймал её в момент падения с перил жилого корпуса. Или когда она чуть не упала в обморок в аэропорту... Нет, нельзя думать о нём, этот эпизод жизни уже был. Он закончился, она повзрослела. Наверное, он уже не вспоминает о ней. Но чёрт, почему же так больно? Почему снова в душе появляется что-то неправильное? Какие-то непонятные чувства?

Подняв тессен с земли, она сложила его и, подняв руку над головой, с силой обрушила на голову воображаемого противника...

Тору Мотидзуки

*Что глупей темноты!
Хотел светлячка поймать я -
и напоролся на шип.*

После удара в живот Тору снова вернулся в исходное положение, а затем обрушил прямой удар сверху вниз в голову. Кажется, именно эти два удара он показывал тогда Ярецы, прежде чем вложить массивный боевой веер в ее маленькую руку и придержать ее кисть и запястье, помогая привыкнуть к тяжести оружия.

Мотидзуки потрянул головой, пытаясь отогнать назойливые мысли. В то время он был настоящим дураком, не видящим дальше своего носа. Когда девушка в их первую встречу у этого дуба неожиданно убежала, ему показалось, что он умудрился ее напугать и лишь после их затянувшегося прощания в здании аэропорта Тору понял, что она была смущена. А дальше, сам того не замечая, он при каждой их встрече только усугублял ситуацию. Обсуждал с ней темы, которые не стоило обсуждать, на полном серьезе комментировал ее слова о тайной влюбленности...

Воспоминания о собственной глупости вызвали у него острое желание схватиться за голову и застонать. Или подставить лицо под струи дождя и чувствовать, как холодные капли стекают по его коже и впитываются в одежду или падают на землю, забирая вместе с собой причиняющие боль эмоции и чувства. Но природа не хотела проявлять милосердие, и хмурое давящее небо, вот уже как несколько часов обещающее дождь, до сих пор оставалось равнодушным к его немим мольбам.

Как было бы просто, если бы вместо воображаемого противника оказался он сам. Если бы мог выбить из себя все ненужное и в пылу битвы не думать ни о какой иной боли, кроме той, что причиняет удар, нанесенный боевым веером... Тору расположил держащую тессен правую руку у левого виска под углом в тридцать градусов и, с шагом вперед, нанес удар воображаемому противнику с левой стороны в область шеи. И пусть этот удар не причинил никому вреда, он постарался вложить в него всю злость и обиду, направленные, в первую очередь, на самого себя и требующие хоть какого-то выхода наружу.

Яреци Фернандез

Сигнал мобильного телефона, возвещающий о пришедшем SMS-сообщении заставил девушку вздрогнуть. Этот сигнал прозвучал неожиданно громко и как всегда в самое неподходящее время. Сколько раз она давала себе обещание всегда выключать звук, чтобы он не мешал заниматься действительно серьезными и важными вещами. Но нет, она отключала звук только на занятиях, да ночью. А вот сейчас, когда все её мысли были заняты работой с боевым веером, она изменила своим принципам. В очередной раз. Это было неправильно.

Выключив телефон и убрав веер в сумку, она перекинула ее через плечо и направилась вниз, к набережной. Ей хотелось подумать о будущих экзаменах, какой-нибудь работе на время каникул, но нет, сознание явно не хотело заниматься такими простыми мыслями. Она вспоминала встречу у дуба, когда первый раз почувствовала что-то напоминающее влюбленность, вспомнила ровный голос, когда он рассказывал про тессен, вспомнила его реакцию на тот глупый вопрос. Она не должна была его об этом спрашивать и уж тем более она не имела никакого права убегать. Вся эта ситуация была неправильной с самого начала, ей нужно было просто уйти. Она помнила их последующие встречи, особенно встречу в аэропорту, и не знала, куда себя деть от этих неприятных воспоминаний, терзающих душу и тело. Если бы можно было вернуть все назад, то она бы не совершила эти ошибки. Но нет, это невозможно, и она остановилась. Ветер усилился, теперь он яростно срывал с деревьев последние листья и безжалостно закидывал дождевые капли на девушку, одиноко стоящую в парке. Все остальные жители города не высывались, даже голуби - и те нашли себе укромное место.

Как он сейчас? Что он делает? Наверное, у него все хорошо. Так и должно быть у этого человека. Он должен быть счастлив. Он путник... путник, который должен обрести покой и гармонию. Путник, который должен найти свой дом. Путник... она будет счастлива, если у него все будет хорошо...

Она снова вытащила веер и посмотрела на него. Все, что она делала с ним ей в тот роковой весенний день показывал мужчина. Больше она не знала никаких элементов, но ведь можно импровизировать, ведь так? Все равно никто не заметит и не заставит больше тренироваться и отчитываться о результатах... она вздохнула и почувствовала комок слез, застрявший в горле. Раскрыла веер и решила отработать этот элемент с поворотом и нанесением удара. В этот раз получилось более пластично, и она даже не упала...

Тору Мотидзуки

*Внимательно взглядишь!
Цветы «пастушьей сумки»
Увидишь под плетнём.*

Тессен прочертил по воздуху и, так и не встретив человеческого тела, на несколько минут замер в вытянутой вперед руке. Тору почувствовал, что ему стало немного легче. Злость на себя если и не прошла полностью, то временно отступила, давая возможность рациональным мыслям пробиться через хаос эмоций и снова

захватить власть над его телом и духом. Сбившееся во время последнего удара дыхание постепенно выровнялось, уменьшая с каждым новым выдохом накопившееся напряжение и заставляя думать, что проблема может быть совсем не такой серьезной, как он себе нарисовал.

Тору убрал тессен за пояс и сделал уже несколько шагов, чтобы покинуть место, навевающее непростые воспоминания, но в последний момент остановился. Все это походило на очередное бегство от себя и собственных чувств, которое он практиковал уже долгие годы, и которое являлось одной из основных причин, почему он не шел по прямому пути, а блуждал извилистыми тропами. И даже в этой ситуации с Ярецы, когда ничего страшного и не произошло, он превратил вполне естественные моменты чуть ли не в настоящую трагедию. *Даже если у молодой девушки возник по отношению к нему околоромантический интерес, даже если он сам за время их общения успел к ней привязаться, даже если тогда в аэропорту он держал ее в объятиях не как наставник или друг, а, скорее, как мужчина – в этом не было ничего страшного. Сколько таких пусть даже очень ярких моментов в жизни любого человека со временем тускнело и становилось всего лишь частью жизненного опыта?*

Посчитав, что стоит учиться от его резкости и категоричности переходить к чему-то плавному и гибкому японец снова вытащил тессен. На этот раз он решил отработать что-то в большей степени соответствующее китайской традиции. Тору поставил ноги на ширине плеч, чуть подсогнув колени и взял боевой веер двумя руками, отведя локти в стороны и ориентируя тессен строго вертикально. Ему уже приходилось выполнять элементы формы Прекрасного заката, но если раньше он это делал ради интереса, то сейчас старался прочувствовать каждое движение и раскрыть его истинное значение. Плавный перенос веса тела с одной ноги на другую, сопровождаемый движениями обеих рук, даже той, которая оставалась пустой – все это несколько отличалось от привычной ему системы. Но если он хотел научиться смотреть на происходящее с другой стороны, стоило начать хотя бы с малого – приучения тела к существующему многообразию форм и подходов к боевым искусствам.

Яреци Фернандез

Дождь прекратился. Слишком неожиданно прекратился и ветер. Девушка нахмурилась и посмотрела на небо, думая, что оно может ей рассказать. Но оно молчало, не хотело ничего рассказывать. Яреци вздохнула и вновь собрала волосы в хвост. Нечем было их скрепить, но сейчас волосы были мокрые и особо не мешались. Девушка закрыла веер и подумала, что это сложенное ружье тоже может нанести какие-нибудь повреждения противнику. Хотелось отработать хоть что-то, но кроме тычка в живот предполагаемого противника она ничего больше не знала. Наверное, пока стоит тренироваться с раскрытым веером?

Гром и молния были одновременными, с настолько ничтожной разницей, которая человеческому уху неподвластна. Девушка вздрогнула от неожиданности, и в это мгновение на неё обрушилась стена ливня. Она стояла под деревьями с раскрытым тессеном в руке и не хотела никуда торопиться. Уже было бесполезно куда-то бежать, и она, застегнув куртку, продолжила свою тренировку, понимая, что он не

увидит этого и не сделает ей замечаний. Она знала, что делает что-то неправильно или не совсем правильно, но возможно она сама была слишком критична к себе. Может быть, если бы он это видел, то ему бы понравилось. Слишком много "бы". Очень много. Его уже нет. Он живёт в монастыре в Китае, она живёт здесь, в России, учится на искусствоведа, и она счастлива. Она думает, что счастлива.

А может быть счастье заключается вовсе не в этом? Может она будет счастлива, если вернётся в Китай, будет рядом с ним? Будет натывать на него, говорить ему всякую чушь? Извиняться... нет, извиняться она теперь не будет. И постарается не натывать на него. Это неправильно, они никогда не смогут быть вместе. Из-за большой разницы в возрасте тоже. Все так думают, она пока никому ещё о нём не рассказала, теперь она, как-то занявшись самокопанием, стала думать, что чувства к Паше и Максиму примерно одинаковые. Она помогала Паше, теперь за Максимом она дописывает работы или ходит на выставки. А с мистером Мотидзуки было что-то другое. Было что-то неправильное. Возможно, она хотела в нём найти себе защитника, помощника, человека, с которым будет легко, спокойно. С которым можно просто поговорить и помолчать, уткнувшись носом в его ямочку под ключицей. Возможно, в аэропорту она себя вела с ним совсем неправильно, но это уже было. И здравый смысл кричал её забыть об этом. Но сердце почему-то не хотело забывать. Она всё-таки забыла его на какое-то время, даже порвала его портрет, а потом был урок истории, на котором рассказывали про Верещагина и его участие в русско-японской войне. А потом было осознание, что она действительно дура, помогая Максиму и его друзьям. Она не сдала коллоквиум по истории, и ее могли не допустить к экзамену. В тот день она не помнила, как ноги привели её в католический храм, и как она молилась, вспоминая все... А после этого она случайно зашла в магазин с японскими ножами и оружием. И купила веер. Случайно ли?

По щекам текли слёзы и смешивались с дождевой водой. Она вымокла до нитки, но уходить не спешила. Сильный ливень прекратился и вернулся в мелкий монотонный дождь. Яреци протёрла лицо руками, стирая капли дождя, но слёзы продолжали течь по щекам. Она беспомощно смотрела на тессен и не знала, что делать. Но после разговора со священником ей стало как будто бы легче. И сейчас она поняла, что хочет стать такой же смелой, как Дарсия Давенпорт, с которой она познакомилась после первой встречи с мистером Мотидзуки. Тогда Дарси сказала, что пойдёт и расскажет своему другу, Стефано, кажется, о своей влюблённости в него. Яреци не знала, призналась ли своему другу, но решила во что бы то ни стало приехать в монастырь и признаться японцу, что влюбилась в него. Разумеется, он посмеётся в ответ, но это будет хотя бы реально. И придумать ничего не надо будет...

Она встала в стойку, правая нога впереди, левая чуть сзади. Ноги немного согнуты и пружинят, а рука с веером плавно разрезает воздух сверху вниз по диагонали - сначала слева направо, а потом справа налево...

Тору Мотидзуки

*Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.*

Тело двигалось в такт заданному ритму, плавно «перетекая» из одной стойки в другую. Раскрытый тессен скользил вверх и вниз, а правая нога, следуя вслед за ним, приподнималась и сгибалась в колене, заставляя сохранять равновесие, находясь на одной только левой ноге... Замерев в таком положении, Тору старался сосредоточиться на возникающих в теле ощущениях, полностью отрешившись от окружающей действительности. И какое-то время это ему удавалось, пока хмурое небо не разразилось давно обещанными каплями дождя.

Начинающийся дождь, о котором он молил еще недавно, заставил Тору вернуться в реальность, принять обычное положение тела и завертеть головой по сторонам, пытаясь определить, куда ему лучше отправиться, если он в ближайшие несколько секунд не хочет проникнуть до нитки. Взгляд японца скользнул по злосчастному дубу, и угодливое воображение тут же подбросило образ жмущейся к дереву хрупкой женской фигурки, волей судьбы ставшей жертвой капризной погоды. *Ведь кто знает, может быть, она где-то в далекой России тоже сейчас попала под дождь, и рядом с ней нет никого, кто хотел бы поделиться своим теплом и спрятать от разыгравшегося ненастья.*

Повинуясь порыву, Тору сделал несколько шагов в сторону дуба. Образ промокшей девушки не исчезал, вызывая острое желание защитить ее от любой, даже незначительной неприятности и рождая в голове мысль, что он окончательно сошел с ума. Все его недавние попытки доказать себе, что проблемы не существуют, разлетелись в пыль. Проблема существовала, и она была для него реальнее, чем земля под ногами и падающие с неба капли дождя.

Тору, переложив тессен в левую руку, потянулся вперед, пытаясь коснуться лица, продолжающего мучить его глаза своей пугающей реальностью, но пальцы, пройдя насквозь, почувствовали не тепло человеческого тела, а холод коры дуба. Да, он был безумен в своем стремлении получить то, о чем боялся даже и помыслить. Но почему-то не мог заставить себя перестать снова и снова думать о конкретных намерениях по отношению к Ярецы, будь она хоть чуточку старше или он сам немного моложе.

Тору развернулся, прижался спиной к дубу, позволяя руке с боевым веером безвольно повиснуть, и горько усмехнулся. Монастырь всегда казался ему необыкновенным местом, способным решить любые проблемы: превратить слабых телом в воинов, а детей, умеющих показывать обычные фокусы, в настоящих магов. Но даже здесь ему не могли ответить на вопрос, как преодолеть время и расстояние и донести до одной девушки то, что он так долго и старательно прятал где-то в самых глубинах своего сердца.

Яреци Фернандез

Она несколько раз махнула веером, словно разрезая пространство вокруг на куски, а потом остановилась и посмотрела на хмурое небо. Стало холодно, хотя до этого она не замечала холод, все-таки с ноября месяце среднесуточная температура воздуха не поднимается выше пяти градусов. А тут она еще и промокла, так и заболеть недолго. Но она не болеет. Она не имеет права болеть сейчас. Она должна получить допуск к сессии, хорошо сдать экзамены и заработать деньги...

Неприятно заболело запястье, и она переложила веер в другую руку. Левой рукой работать оказалось намного тяжелее. Первые неловкие махи, и веер выпал из ее руки, а запястье сразу заболело какой-то тупой болью. Она вздохнула и горько усмехнулась - стало интересно, что бы об этом сказал мистер Мотидзуки. Наверное, что ей лучше не браться за оружие и не позорить японскую культуру. Наверное, он будет прав...

Она прислонилась спиной к дереву и опустила голову. Посмотрела на валяющийся на земле тессен и вздохнула. Может, все бросить и уйти? Может ей не стоило его покупать? Может стоит что-то делать не так, как она это делает? Она посмотрела на небо, и снова по щекам потекли слезы.

- Я не знаю, что мне делать. Что мне делать, мистер Мотидзуки? Вы мне не ответите, вы наверное уже забыли обо мне... как мне забыть вас, мистер Мотидзуки? Как мне перестать думать о вас и не стараться вас заменить кем-то? Вы были правы, когда говорили мне, что неправильно быть такой доброй и наивной... я... мне кажется, что я люблю вас... как мне забыть, мистер Мотидзуки?

В парке никого не было, поэтому одинокая фигурка девушки, стоящей у дерева и что-то говорящей, не привлекала внимание. Это было хорошо, быть чудачкой среди общей массы москвичей ей совсем не хотелось.

Тору Мотидзуки

*Вконец отощавший кот
Одну ячменную кашу ест...
А еще и любовь!*

Дождь усилился, но Тору даже и не пытался как-то скрыться от его холодных капель. Одежда окончательно вымокла и неприятно прилипла к телу, а он, словно этого не замечая, медленно спустился вниз по стволу дерева и оказался на корточках, продолжая прижиматься к дубу, как к единственной опоре. Тессен черкнул по мокрой земле, и Тору, заметив это, вместо того, чтобы его поднять, просто отбросил боевой веер в сторону. То, что так чтимое им оружие оказалось в грязи волновало его столь же мало, как и собственное плачевное состояние.

Из оцепенения его вывел шум ветра, в котором ему послышались нотки хорошо знакомого голоса. Тору прекрасно понимал, что это очередное наваждение, но ничего не мог поделать с острым желанием хоть что-то ответить. Пусть даже той, кому адресовалось его послание, так и не суждено было когда-либо его получить.

- Если ты хочешь мне что-то сказать, то возвращайся и скажи это лично. – Тору говорил в пустоту, но даже при отсутствии слушателя, ему становилось легче, когда он произносил то, о чем так долго молчал. – Перестань мучить меня бесплотными призраками и просто возвращайся. Мелькай постоянно перед моими глазами, как ты это делала раньше, говори всякие глупости, задавай неудобные вопросы. Делай, что хочешь. И так до конца моей жизни...

Последние, уже практически выкрикнутые слова, заставили его вздрогнуть. Пожалуй, сейчас он, захваченный порывом, выразил то, о чем раньше запрещал себе даже и помыслить. Мишура всяких рациональных объяснений и отговорок окончательно разлетелась, раскрывая неприглядную правду – Ярецы «проросла» в него, как молодое сильное дерево в благодатную почву. Оплела его ноги мощными корнями, заменила позвоночник стволом, обвила грудь, руки и голову гибкими ветвями, потекла своими древесными соками по его сосудам и заставила желать только одного – снова ее увидеть и услышать как «мистер Мотидзуки» превращается в «Тору».

Ярецы Фернандез

Стало как будто легче. Она не могла сказать, стало легче на самом деле или она себе это внушила, чтобы не стоять здесь вечно. на мгновение перед глазами промелькнула сцена из фильма "Сияние", где герой Николсона заблудился в лабиринте и замёрз. Ей не хотелось замерзнуть, но лабиринт был. И ей необходимо выбраться из него, чтобы окончательно не сойти с ума. Высказав свой монолог, она горько усмехнулась и протёрла лицо руками. Ей казалось, что она действительно начинает сходить с ума, так как раньше никогда не позволяла себе думать о таких вещах, говорить это вслух. Никто никогда не должен узнать, что лежит на её душе. Никто не узнает, сколько боли ей причиняет это осознание, что после встречи с ним она так и не смогла его забыть. Может быть, это делается как-то иначе? Может надо попросить у кого-то совета? Но у кого? Кто ей может дать совет, если рассказывать ничего не хочется?

Она ещё раз протёрла лицо руками и посмотрела на валяющийся тессен. Подняла его с земли и убрала в сумку. Вновь посмотрела на небо, и ей показалось, что она увидела его лицо. Грустное и какое-то другое. Как будто он что-то потерял и не может это найти. Ей так захотелось ему помочь, обнять его, помочь чем-то, выслушать, если понадобится и помолчать, если потребуется. Быть рядом. Просто находиться рядом с ним. Как жаль, что это невозможно...

Лай собаки, раздавшийся неподалёку, заставил её вздрогнуть, и наваждение рассеялось. Теперь над ней было всё то же серое небо, извергающее монотонные капли дождя, перед ней расстился парк, а за ней, если спуститься, была набережная. Ей хотелось пойти на набережную и выкинуть этот чёртов веер, но это не решит проблему. Она сейчас поняла, что больше никогда не сможет его забыть. И даже если она ещё раз порвёт его портрет, если выкинет этот веер - она всё равно будет его помнить, и эти воспоминания будут причинять ей сильную боль. Она и без того уже настрадалась, больше ей не хочется страдать. Она вернётся в монастырь, она скажет ему, что любит его, ей нужно постараться назвать его по имени. Потому что "мистер Мотидзуки, я вас люблю" звучит как-то по-детски, а вот "Тору, я тебя люблю"... Ей нужно это сказать. Так станет легче. Даже если он посмеётся в ответ. Даже если заставит тренироваться и никогда не отпустит больше из монастыря... будет легче.

Она вздохнула и, перекинув сумку через плечо, направилась в сторону дома. Нужно принять тёплую ванну, поработать и лечь спать. Работа сейчас нужна как никогда...

Тору Мотидзуки

*Чтоб холодный вихрь
Ароматом напоить, опять раскрылись
Поздней осенью цветы.*

Осознание долгое время не признаваемых чувств затопило Тору полностью, заставляя еще сильнее прижиматься к стволу дуба, чтобы не потерять последнюю опору. Привычный мир развалился на кусочки и построился заново совершенно причудливым образом, заставляя его чуть ли не заново учиться ходить и дышать. Но, как ни странно, все эти радикальные изменения не только не уничтожили ставшего их жертвой человека, но даже подарили ему странное чувство облегчения. Ведь даже все кажущееся безумие происходящего не смогло сравниться с тяжестью навалившейся незадолго до этого апатии, выжигающей желание не только жить, но и просто иметь хоть какое-то отношение к этой вселенной.

- Похоже, я и здесь умудрился отличиться. - Тору, наконец, поднялся и отошел от дуба на несколько шагов, снова чувствуя возвращающуюся в тело силу. Всю свою жизнь он боролся за право жить не так, как от него ожидали окружающие, а так, как хотелось ему самому. И, вероятно, перестарался настолько, что даже в таком деле, как выбор своих привязанностей, совершил то, что являлось по самой своей сути очередным бунтом. Но теперь он точно знал – пути назад нет. Он уже не мог остановиться и «выжечь» из себя волнующий его женский образ. Не мог забыть нежный перезвон ее голоса, тепло льнувшего к нему тела, даримого ей чувства домашнего уюта и убивающую тоску, навалившуюся, когда все это исчезло из его жизни.

Тору подобрал с земли тессен и вытер его о собственные штаны, удаляя с оружия самые заметные следы грязи. По приходу в свою комнату ему предстояло потратить немало времени, чтобы привести его в приличное состояние. О промокшей и запачканной одежде он не заботился, хотя, передумав вростать в дуб, все же предпочел бы переодеться во что-то сухое и чистое. Следуя принципу, что если не можешь поменять ситуацию, стоит поменять свое к ней отношение, Тору решил принять все таким, как оно есть, подождать обещанного возвращения Яреци и посмотреть, что принесет их новая встреча. Он умел ждать, пусть и не любил этого делать. Он ждал чего-то всю свою жизнь, и потому мог потерпеть еще и до зимы, которую девушка обозначила, как время своего возвращения. Но он не мог одного – ответить себе на вопрос, получится ли у него не сорваться, если Ярецы, вместо должного безразличия и банальной вежливости, проявит по отношению к нему хоть какие-то чувства...
